

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ НУБИИ

Даже при поверхностном знакомстве с историей древней Нубии прежде всего естественно возникает вопрос, чем объяснить, что эта страна, столь близкая во всех отношениях додинастическому Египту, в дальнейшем своем развитии пошла иным путем, чем ее северный сосед? Какие обстоятельства воспрепятствовали возникновению в Нильской Эфиопии на исходе IV тысячелетия до н. э. классового общества и отчего, наконец, так разительно медленно изменился ее общественный строй, даже по сравнению со столь прославленной своим консерватизмом страной пирамид?

Задача настоящей работы—в порядке постановки проблемы наметить особенности исторического развития Нубии в эпоху Древнего Царства и постараться разрешить некоторые вопросы, связанные с закономерностью развития этой мало изученной страны.

Так же, как и в Египте, вся жизнь Северной Нубии зависела от влаги. Источник же влаги был только один—река. Дожди здесь крайне редки. Только раз в несколько лет проносится тропический ливень. Таким образом, лишь в непосредственной близости Нила развивалась культурная и политическая жизнь Нубии. В окрестных степях и редких оазисах обитали племена скотоводов. Их волны время от времени захлестывали узкую полосу плодородной земли, где сосредоточивались жилища оседлого земледельческого населения и административные и религиозные центры. Несколько меняется пейзаж около «острова» Мероз. Здесь нет скал, сдавливающих долину Нила. Около Хартума уже выпадают в дождливое время года—между июлем и сентябрем—осадки. Однако эти отдаленные места в жизни древней Нубии почти никакой роли не играли. Крупные культурные центры возникли тут значительно позже—в предэллинистическую эпоху.

Крайне бедная землей, пригодной для земледелия, садоводства и скотоводства, испытывая всегда нужду в хлебе, Северная Нубия в то же время считалась одной из богатейших стран. Действительно, в Нубии обильно представлены всевозможные ископаемые, в первую очередь, золото. Оно добывалось в безводных, выжженных солнцем долинах Аравийских гор. Там же находили драгоценные и полудрагоценные камни: изумруды, хризолиты, гиацинты (Plin., NH, XXXVII, 18, 2; 42, 1; 56, 5). Не было недостатка в серебре, меди и железе (Diod., I, 33). Славилась Эфиопия и лучшими сортами базальта, которые сплавлялись вниз по течению в Египет (Plin., NH, XXXVI, 58, 1). Через Нубию шли караваны с грузом слоновой кости, шкурами диких животных, ароматических растений, эбенового дерева и т. д. Промежуточное ее положение на пути в глубинные районы Восточной Африки было чрезвычайно важным, пока более удобные морские пути, в греко-римскую эпоху, не оттеснили сухопутные и речные на второй план¹.

Географические условия, определившие некоторые особенности развития Египта, особенно Верхнего, еще реаче и определеннее сказались в Нубии.

¹ М. Хвостов, История восточной торговли греко-римского Египта, Казань, 1907, стр. 72—73.

Прежде всего, с трех сторон она была изолирована от внешнего мира; на юге начинались болота и леса тропической Африки, на западе и востоке простирались почти необитаемые, необъятные пустыни. Непроходимые нильские пороги дробили страну на отдельные, мало связанные между собой, области. На севере они отделяли Нубию от Египта, но полностью никогда не разобщали обе страны, хотя их быстрины и скалы были немалой помехой для регулярных сношений. Все необходимые рудные инерудные ископаемые находились в непосредственной близости и в достаточном количестве. Даже деревья хватало в районе четвертого порога. Впрочем, большой нужды в нем и не было.

Орошаемой земли было в Нубии гораздо меньше, чем в Египте. Земледелие по этому не занимало основного места в экономике, особенно Северной Нубии. На узкой прибрежной кромке росли лишь одинокие финиковые пальмы, располагались небольшие участки, засеянные ячменем и просом, кое-где, вероятно, виднелись огороды и виноградники¹. Зато скота было много. И археологические раскопки, и египетские тексты, и изображения в гробницах доказывают, что нубийцы разводили овец, коз и крупный рогатый скот. Часть жителей добывала пропитание охотой, рыболовством, скотоводством.

Систематические археологические раскопки в Нубии, начало которым было положено лишь в первое десятилетие текущего века, дали уже достаточное количество материала, позволяющего наметить в основных чертах жизнь страны в период, совпадающий с додинастической эпохой Египта. К сожалению, результаты этих исследований еще ни разу не публиковались в русской литературе.

Вот почему придется остановиться несколько подробнее на выводах, к которым в результате своих изысканий пришли Г. Рейснер, Г. Юнкер, Г. Штейндорф и другие археологи, обследовавшие некрополи и древние поселения между первым и третьим порогами. Наиболее обстоятельно они приведены во вводной части публикации Г. Штейндорфа о раскопках в Анибе².

Г. Рейснер, в 1907 г. первый начавший методическое обследование древнейших погребений Нубии с додинастической эпохи до начала Нового Царства, устанавливает на основании археологических и типологических признаков для этого времени три основные культурные группы—А, В и С, последовательно сменявшие друг друга³.

Хронологически он делит историю Нубии до Нового Царства на два основных периода:

1. «Нубийскую Древность»—ок. 4000—2400, включающую культуры групп А и В. Период этот охватывает додинастическую эпоху и время Древнего Царства, Время, соответствующее культуре группы А, в свою очередь, делится на два периода, длившихся все IV тысячелетие:

НА 1—додинастический период,

НА 2—раннеисторический период.

Группа В соответствует периоду НА 3, около 3000—2400.

2. Следующий период—от конца Древнего Царства до начала XVIII династии (2400—1600)—характеризуется культурой С, которая по археологическим и типологическим признакам также подразделяется на четыре периода, соответственно обозначаемых NM 1—NM 4.

¹ Исследования содержимого внутренностей туземцев, чьи погребения датируются додинастической эпохой (IV тысячелетием) подтверждают, что растительная пища в их питании занимала не последнее место. Были обнаружены косточки дынь, винограда, зерна ячменя. G. Roeder, Die Geschichte Nubiens und des Sudans, «Klio», Bd 12 (1912), p. 59.

² G. Steinendorff, Aniba. Service des Antiquités de l'Egypte. Mission Archéologique de Nubie, 1929—1934. Glückstadt—Hamburg—N. Y., I, 1935; II, 1937.

³ Archaeological Survey of Nubia, Bulletin, № 1, Cairo, 1908, стр. 18 сл.; № 3, Cairo, 1909, стр. 5 сл.

Приемлемость хронологической схемы Рейснера подвердилась новыми открытиями, которые уточнили и дополнили ее. Конечно, точность этой схемы весьма относительна из-за отсутствия туземных письменных источников. Она базируется преимущественно на сопоставлении с современными египетскими памятниками.

Вопрос об этногенезе нубийцев пока еще далек от решения, так же как и о происхождении древнейших обитателей Египта. С большей или меньшей достоверностью можно определить, что основную массу их составляли хамиты, в незапамятные времена смешавшиеся с ливийцами Северной Африки и восточно-африканскими племенами. В IV тысячелетии на всем протяжении долины Нила от Дельты до второго порога господствовала общая в своих основных чертах культура, характеризуемая Негадэ 2, самый южный пункт распространения которой отмечен в Гаммаи—около второго порога¹. Особеностей, присущих Нубии, можно отметить немного, и принципиального значения они не имеют. Это—местные варианты в окраске и весе глины, обжиге и т. п. Типичны для Нубии полированные красные сосуды с узкой черной каймой по верхнему краю.

Маленькие плоские могилы, содержащие обернутый циновкой или шкурой скорченный костяк, лежащий на левом боку с головой, обращенной к югу, определяющие додинастический период (НА—1), и четырехугольные могилы, покрытые плитой из известняка, в которые нередко одновременно клались по 2—3 покойника в таком же точно положении в раннеисторический период (НА—2), известны в настоящее время в достаточном числе, чтобы можно было составить более или менее ясное общее представление об этом далеком времени. Погребальный инвентарь мало отличается от египетского той же эпохи. Для него характерны глиняные сосуды, красные полированные горшки с черной каймой (*black-topped*), сосуды из светлой глины, каменные сосуды, сходные с египетскими, палетки для притираний из зеленоватого шифера—прямоугольные, ромбовидные, овальные с двумя птичьими головами, в виде зверей, грушевидные каменные будавы, бусы, кремневые наконечники стрел и копий. В некрополях раннеисторического периода (НА—2) появляются новые образцы керамических изделий—высокие, сужающиеся книзу горшки с вдавленным орнаментом, тонкостенные сосуды, расписанные красной краской, а также прямоугольные и ромбовидные палетки из кварца и других твердых пород камня. Украшения из бус становятся богаче. И, наконец, что особенно важно, встречаются инструменты из меди: топоры, шилья, рубила.

Уже этот краткий перечень доказывает возможность сопоставления древнейшей нубийской культуры с современной ей египетской, ибо последняя характеризуется аналогичным содержанием погребений². Обитатели долины Нила между первым и вторым порогами в IV тысячелетии также занимались рыболовством, охотой, скотоводством и там, где позволяли обстоятельства, земледелием, как и северные их соседи. При раскопках кладбищ в Кубание, датируемых «Нубийской древностью», были найдены кости козы, собаки, быка³. Кости быка были обнаружены также в Мерис-Маркос (там же, стр. 41), в Анибе—кости овец и т. д. Уже указывалось на посевы ячменя, огородные культуры и виноградники. Многочисленные палетки для притираний, которым нередко придавались формы разных диких зверей и птиц (там же, стр. 81), возможно, в магических целях, подтверждают, что их владельцы были рыболовами и охотниками. Можно указать также на распространенные в южной части Верхнего Египта и в Северной Нубии наскальные рисунки, изображающие сцены охоты и дичи.

¹ O. Bates, JEA, III (1916), 219. Excavations at Gammai, Harvard African Studies, vol. VIII, Cambridge, 1927.

² Fl. Petrie, Prehistoric Egypt, London, 1920, стр. 3; Archaeological Survey of Nubia, Report for 1907—1908 by G. Reisner, Cairo, 1910, стр. 319, 347.

³ H. Junker, Bericht über die Grabungen der Akademie der Wiessenschaften in Wien auf den Friedhöfen von El-Kubanieh—Süd. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philol-hist. Kl. Denkschriften, Bd. 62, Abh. 3, Wien, 1919, стр. 17, 43.

ких животных¹. Этническая граница между обеими странами проходила, по мнению некоторых исследователей, не только в эпоху «Нубийской древности», но и значительно позднее, севернее Элефантины, а именно около Сильсила². Даже Г. Юнкер, пытающийся на основании одних типологических, формальных признаков отнести разрыв между египетской и нубийской культурами к периоду НА—1, подчеркивает это обстоятельство (Г. Юнкер, *указ. соч.*, стр. 4).

Итак, до определенного времени—конца IV тысячелетия можно говорить о сходстве развития Египта и Северной Нубии. Что же кладет этому конец? Самый факт значительного прогресса Египта по сравнению с Нубией после объединения первого под властью Менеса отмечался неоднократно. Более того, делались попытки истолкования этого явления. Но удовлетворительного разрешения пока еще не дано. Так, Г. Штейндорф, исходя из сугубо идеалистических установок, пытается объяснить изменения, происшедшие в Египте, при помощи «нового египетского существа» (*Wesen*), неизвестно почему и откуда внезапно появившегося при Менесе. «Тотчас после политического объединения Египта Менесом, с началом исторической эпохи в нижнем течении Нила рождается собственно египетская культура (*Ägyptertum*). Возникает новый вид египетского существа, которое сохраняется в течение тысячелетий..., с ним приходит к концу примитивная энеолитическая культура глубокой древности. В этом неслыханном прогрессе, который совершается в немногие столетия, а может быть и десятилетия, Нубия не принимает никакого участия; новый египетский дух не проникает за Ассианские пороги. Таким образом, возникает пропасть между упорствующей в своей приверженности к новокаменной культуре Нубией и вновь сформировавшимся Египтом, которая с течением времени расширяется и никогда не заполняется на всем протяжении последующего исторического развития. Эта отчужденность увеличивается еще и тем, что с усиливающимся проникновением негроидных элементов на юге, расовый характер нубийцев отдаляется от первоначально однородного с ним характера египтян» (Г. Штейндорф, *указ. соч.*, т. I, стр. 3—4).

Таким образом, кроме «существа» или «духа», оказывается повинной еще и «чужая кровь». Подобное толкование исторических событий в своем дальнейшем логическом развитии приводит к самому откровенному фашизму и полному извращению истории человеческого общества.

По мнению одного из пионеров археологии Нубии Г. Рейснера, отставание последней со времени возникновения египетского государства и даже некоторое падение культуры в период НА—3 объясняется, во-первых, прекращением «благодетельного влияния» Египта, а, во-вторых, изменениями в составе населения и соответствующими изменениями экономических условий. Но прежде всего, далеко еще не доказано, что Нубия в периоды НА—1 и НА—2 находилась в культурной зависимости от своего северного соседа, хотя попытки подобных толкований и делались не только самим Г. Рейснером (*Указ. соч.*, стр. 335), но и Г. Юнкером (*Указ. соч.*, стр. 3 след.), причем последним по отношению и к додинастическому периоду. Однако даже поверхностное сопоставление инвентаря некрополей с полной очевидностью убеждает в том, что Нубия в упомянутое время отнюдь не являлась провинцией Египта, а составляла его органическое и естественное продолжение. Некоторые отличия, и то преимущества в керамике, объясняются, конечно, особенностями местных мастерских и сырья. Их можно установить и для самого Египта. Во-вторых, если даже и допустить, что столь решающее культурное влияние Египта действительно имело место, то почему оно так внезапно прекратилось? Казалось бы, с объединением страны

¹ A. Weigall, A Report on the Antiquities of Lower Nubia, London, 1907, Plates; H. A. Winklöck, Rock-drawings of Southern Upper Egypt; Sir P. Mond, Desert Expedition, London, I. 1938; II, 1939.

² K. Sethe, Urgeschichte und die älteste Religion der Aegypter, für die Kunde des Morgenlandes herausgegeben. Abhandlungen von der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd XVIII, 4, Leipzig, 1930, p. 125.

и, следовательно, с ее усилением, это влияние должно было бы активизироваться. Ведь и прежде некоторые предметы доставлялись в Нубию с севера, например, определенной формы сосуды (Г. Штейндорф, указ. соч., т. I, стр. 4). Таким образом, второе соображение Г. Рейснера о вторжении новых племен, стоявших на более низкой стадии развития, представляется наиболее вероятным. На средней ступени периода варварства, отличительные признаки которой можно проследить у кочевников, обитавших в степях и оазисах, примикивавших к Нубии, подобные этнические сдвиги были довольно частым явлением. Здесь вполне применима характеристика К. Маркса: «Только оставаясь в небольшом числе, они могли продолжать быть варварами. То были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума, как то имеет место еще поныне у индийских племен Северной Америки. Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе»¹. Действительно, очевидное нашествие полудиких племен могло несколько понизить общий культурный уровень страны. Но тогда возникают другие вопросы—почему это вторжение отразилось только на Нубии и почему египтяне, организовавшие в ту пору свое государство, не оказали им отпора?

Подобной неясности нетрудно избежать, если отказаться от порочных попыток объяснения исторических перемен с помощью одних только этнических сдвигов, изменений «духа» или иных подобных причин. Правда, иногда, как это было, например, с касситами в Вавилонии² или с племенами культуры В в Нубии, вторжение новых племен, стоящих на более низком уровне культуры, задерживало развитие общественных отношений, а иногда приводило к временному регрессу, как это действительно имело место в обоих указанных случаях. Однако и тогда не следует исключать объяснений только в одних этнических сдвигах, а привлекать, в зависимости от конкретной обстановки, и другие причины, хотя бы и второстепенные.

Наука не располагает точными и полными сведениями, позволяющими воссоздать детали социальной, экономической и культурной жизни древнейших общин долины Нила. Однако, с помощью данных прежде всего археологии, в общих чертах можно себе представить их организацию. Период процветания культуры А характеризуется дальнейшим совершенствованием ремесла, что доказывается находками медных орудий и более тонкой обработкой керамических изделий, а также некоторым прогрессом техники земледелия, насколько это позволяли скучные земельные участки, ограничивавшие развитие производительных сил известными пределами. Община продолжает сохранять почти в полной мере равенство своих сочленов «Погребения не дают еще следов резкого имущественного расслоения. Все погребения однобразны, и ни одно не выделяется как по качеству, так и по богатству инвентаря»³. Это однообразие инвентаря с весьма незначительными отклонениями характеризует культуру А и В на всем протяжении их существования, т. е. до начала VI династии.

Иное дело—Египет. Наличие большей площади плодородной земли давало простор развитию производительных сил земледельческих общин; они постепенно оттесняли скотоводство на второй план. «Матриархат сменился патриархатом, когда люди поддерживали свое существование преимущественно скотоводством. Затем патриархат сменился рабовладельческим строем, когда люди поддерживали свое существование сравнительно более развитым земледелием»⁴. Поля становились основой благосостояния, предметом постоянных споров и причиной вооруженных столкно-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278—279.

² Н. М. Никольский, Община в древнем Двуречье, ВДИ, № 4, 1938.

³ В. В. Струве, История древнего Востока, 1941, стр. 53 (Глава написана И. Л. Снегиревым).

⁴ И. В. Сталин, Анархизм или социализм? Соч., т. I, стр. 311.

вений между отдельными племенами и общинами, а впоследствии объединениями последних. В то же время изыскиваются средства более рациональной обработки полей—возникает система ирригационных сооружений. Постройка каналов и дамб требует не только значительного количества рабочих рук, но и соответствующей организации. Она появляется в конечном итоге в виде восточной деспотии, держащей в строгом повиновении массу свободного населения, попрежнему объединенную в общины, и рабов.

Нубия осталась в стороне. Общины, расположенные к югу от Элефантины, не приняли, да и не могли принять участия в огромной созидающей работе Египта. Основной стимул для этого отсутствовал. Пахотной земли было так мало, что она едва-едва могла прокормить наличное население. Скот был основой благосостояния. Ведь в древности на месте ныне совершенно бесплодных пустынь простирались степи, где возможно было и разведение стад и охота. Это подтверждается находками скоплений костей быков в прилегающих к Нилу местностях, теперь совершенно необитаемых¹. Хлебные злаки и плоды не были основой пищевой насыщения—«Эфиопы питаются пшеницей и ячменем... Вместо оливкового масла они употребляют коровье и сало. За исключением небольшого количества фиников в царских садах они не имеют дровесных плодов. Некоторые едят даже траву, тонкие веточки, лотос и тростниковые корни, а также говядину, кровь, молоко и сыр» (Strab., XVII, 2, 2). Перечисление среди иных продуктов лотоса и тростниковых корней свидетельствует, что Страбон имеет в виду именно Нильскую Эфиопию. Их ели только потому, что ограниченные размеры полей не позволяли разводить зерновые культуры. По той же причине не к чему было строить дамбы и каналы, тем более такие, которые требовали бы значительной затраты труда, дополнительных рабочих рук, т. е. рабов, или кооперации усилий отдельных общин. Таким образом, здесь отсутствовали предпосылки, приведшие в Египте к образованию государства. Несколько иной характер носили и обычные межплеменные войны. Одной из основных причин их было стремление захватить стада или пастища соседей. В одних случаях это приводило ко временному объединению отдельных племен. Однако эти союзы не были ни долговременными, ни прочными и обычно распадались, как только достигалась непосредственная цель. Словом, Нубия пошла по иному пути, чем Египет. Что касается последнего, то его южные номы не были заинтересованы в присоединении этой бедной землей страны, доступ в которую к тому же затруднялся порогами. Потребность в сырье египетских номов не стала еще настолько сильной, чтобы служить стимулом для систематического проникновения египтян на юг. Только после создания Мемфисской деспотии было обращено внимание на природные богатства Нубии. Лишь с V династии грабительские походы сменяются торговыми экспедициями или перемежаются с ними. Да и то они носят более или менее случайный характер. До этого времени, как показывают археологические находки, обмен ограничивается слоновой костью, керамическими изделиями и т. п. О вывозе золота нет ни одного упоминания. Видимо Египет обходился собственными ресурсами, да и потребность в золоте была невелика. Рудники в Вади-Алаки начали эксплуатироваться гораздо позднее. Несомненно, египтяне, начиная со времени образования государства, полностью взяли в свои руки инициативу военных и мирных предприятий в Нубии. Это подтверждается многочисленными текстами, начиная с первого из них—Палермского камня.

Была, однако, еще одна причина, способствовавшая отсталости Нубии. Правда, материал, на основании которого мы можем судить о ней, очень немногословен. Он ограничивается только вещественными памятниками так называемой культуры В, современной, примерно, годам правления III и IV династий. Она очень близка предшествующей ей культуре А, но беднее и грубее ее и характеризуется овальными или прямоугольными погребениями, скорченным трупоположением на правом или левом

¹ G. M. Murgay, Graves of Oxen in the Eastern Nubian Desert of Egypt, JEAS, XII (1916), 248 сл.

боку без определенной ориентировки. Покойник, как правило, завернут в циновку или в шкуру или же покрыт ими. Глиняные сосуды встречаются реже, выделка их примитивнее, стенки толще. Каменные сосуды отсутствуют; не так часто, как прежде, попадаются бусы из карнеола или фаянса, изделия из меди представлены только шильями, зато чаще встречаются kostяные предметы:—иглы, черенки, ножи, гребни, ложки (Г. Штейндорф, Указ. соч., т. I, стр. 5).

Г. Рейнер, открывший и определивший культуру В, выдвинул гипотезу, согласно которой известный регресс, присущий ей, объясняется очередным вторжением с юга варварских племен (Г. Рейнер, Указ. соч., стр. 335). Другие исследователи объясняют снижение культуры в Нубии грабительскими вторжениями войск египетских фараонов—Хасехемуи (II династия) и Снофру (IV династия)¹. Однако стела Хасехемуи из Иераконполя², весьма скверно сохранившаяся, не содержит никаких конкретных данных, позволяющих судить о степени ущерба, понесенного Нубией. Нет никакого основания полагать, что поход этого царя столь резко отличается от обычных набегов. Что касается записи на Палермском камне о военной экспедиции Снофру, при которой было захвачено 7000 человек пленными и угнано 200000 голов скота, то, во-первых, далеко не известно, насколько эти цифры соответствуют истине, а, во-вторых, как доказывает содержимое погребений, осуждение происходило постепенно: первые следы его отмечаются со времени правления II династии, а окончательно культура А исчезает лишь при IV династии. Если бы оно действительно явились следствием войны, то переход был бы резким, а не постепенным. Проникновение на протяжении десятилетий кочевников-полуварваров с юга или из окрестных степей легче могло придать ему подобный характер, тем более, что такие вторжения были довольно обычными. Таким образом, гипотеза Г. Рейнера представляется правдоподобной и должна быть оставлена в силе.

Отсталость Нубии, вызванная естественными условиями, усугубилась вторжением пастушеских варварских племен, смешавшихся с туземным населением и понизившим общий культурный уровень страны.

Примерно в ту же пору сказывается еще одна причина, также затормозившая дальнейшее развитие Нубии. Обрывочные и сжатые надписи Палермского камня и некоторых других текстов сообщают о грабительских походах египтян в области, расположенные к югу от Элефантины, начиная со времени правления II династии. Они совершались туда, вероятно, чаще, чем мы можем судить на основании дошедших документов и, конечно, отнюдь не способствовали их процветанию. Египтяне довольствовались тогда уводом в рабство людей и угоном скота. Существенно меняется характер их деятельности в Нубии со времени правления V и, особенно, VI династии. Фараоны, окружающая их знать, храмы предъявляют повышенный по сравнению с прежним спрос на предметы роскоши—благовония, слоновую кость, эбеновое дерево, икру экзотических животных и прочие продукты южных стран, которые только к одному простым грабежом достать было невозможно. Вероятно, к этой поре—началу VI династии, как сейчас будет видно, несколько меняется и внутреннее положение самой Нубии. Египтянам приходится сочетать насильственный захват с более или менее организованным обменом. При первых династиях Древнего Царства они предпочитали все, что им было нужно брать силой, а нужны были им рабы и скот. Потребность в предметах роскоши, как это видно из погребений первых династий, не была еще столь велика, как со времени IV династии, и в значительной степени удовлетворялась собственными ресурсами или случайным обменом³. Только тогда, когда повы-

¹ W. B. Emery and R. P. Kirwan, The Excavations and Survey between Andidan and Wadi-es-Sebaa, 1929—1935. Service des Antiquités de l’Egypte, Mission Archéologique de Nubie, 1929—1934, Le Caire, 1935. p. 2.

² J. E. Quibell and F. W. Green, Hierakopolis, II, London, 1902, Pl. LVIII.

³ Одно из немногих исключений—ввоз определенной породы диорита, когда египтяне в эпоху IV династии занялись усиленной строительной деятельностью. Эта

шается спрос на предметы роскоши, которые одним грабежом получить было невозможно, активизируется и расширяется обмен. Поэтому египтяне, видимо, не предпринимали никаких попыток отодвинуть вверх по течению свои южные рубежи и таким образом закрепить за собой область между первым и вторым порогами или хотя бы часть ее. Граница проходила у острова Элефантины, как доказывается надписью Мернера¹ и некоторыми другими текстами².

Слишком скучны, обрывочны и случайны дошедшие до нас документы, позволяющие восстановить события, происходившие в конце Древнего Царства в Нубии. Однако какие-какие выводы для времени правления VI династии они все же позволяют сделать. Особенno важна в этом отношении биография Хуеффхора, ибо она рассказывает о внутреннем положении страны. «Его величество послал меня в третий раз в Иам. Я вышел из... на пути оазиса и я встретил вождя³ страны Иам, когда он направлялся к стране Темех, чтобы поразить темехов до западного угла неба. Я вышел следом за ним к стране Темех, умиротворил ее, чтобы она молила (дословно—восхваляла) всех богов за царя... Когда я умиротворил этого вождя Иама... перед Ирчетом, позади Сету я встретил князя Ирчeta, Сечу, Уаута... Я спустился с 300 ослами, нагруженными благовониями, абеновым деревом, душистыми притираниями (*hkñw*, *s' t*, шкурами пантер, слоновой костью, бумерангами (?)) и всякими превосходными продуктами. Когда увидал вождь Ирчeta, Сечу, Уаута силу и многочисленность войска Иама, направлявшихся (досл. спускавшихся) со мной ко двору, и солдат, посланных со мною, этот вождь пришел и дал мне быкоз и коз и проводил меня к путям горной страны Ирчeta, ибо я был презосходнее и блестательнее, чем какой-либо семер и начальник каравана, который когда-либо позыпался в Иам».

За 400—500 лет, прошедших со времени появления новых племен в Нубии, утвердивших культуру В, в стране наметились известные сдвиги. Междоусобные войны, а также войны с ливийцами, населявшими соседние оазисы, подобные тем, о которых сообщает Хуеффхор, вызвали образование союзов отдельных племен, под властью общего вождя. Так, один вождь возглавляет племена Ирчeta и Сечу, а впоследствии присоединяет к созданному им союзу и племена Уаут. Соответственно меняются и политика Египта. Во-первых, грабить страну, где начинали создаваться более или менее мощные коалиции, было труднее, тем более, что к концу правления VI династии, а именно к этому времени относятся основные сохранившиеся документы, государство самого Египта находилось на ущербе⁴. Во-вторых, египтян в значительно большей степени начали интересовать товары, которые, как уже отмечалось, только одной грубой силой получить было невозможно. Приходилось прибегать к иным мерам, сочетая политику ласки и принуждения, торговлю с активными военным

порода добывалась в Тошке. Там в каменоломнях обнаружены имена фараонов IV и V династий. R. Engelbach, *The Quarries of the Western Nubian Desert. Annales du Service des Antiquités de l'Egypte*, XXXIII (1933), стр. 65 сл.; *The Quarries of the Western Nubian Desert and the Ancient Road to Tochka*, Ibid., стр. 369. A. Rowe, *Provisional notes on the Old Kingdom Inscriptions from the Diorite Quarries*, Ibid., XXXVIII (1938), 678 сл.

¹ K. Sethe, *Urkunden des Alten Reiches*, Leipzig, 1932, 110.

² Например, в биографии Уны (строка 14) южная граница Верхнего Египта (*Sm'*) обозначена у Элефантини там же, стр. 101.

³ В данном контексте слово *hk'* правильнее переводить «вождь», ибо обычна передача этого понятия по-русски как «князь» создает ложные ассоциации. Лучше *hk'*, передает англ. *chief*—«вождь», «глава», что полностью соответствует действительному его содержанию.

⁴ Пиопи I для похода против бедуинов привлек в свою армию представителей многих нубийских племен: Ирчeta, Меджа, Уаута, Каау (надпись Уны), (К. Зете, Указ. соч., стр. 101).

и политическим вмешательством во внутренние дела страны, в первую очередь в распри вождей. Хуефхор, совершивший несколько путешествий на юг, и другие вельможи своими действиями превосходно иллюстрируют только что высказанные предположения. Так, Сабни берет с собой 100 ослов, груженных притираниями, медом, одеждами.

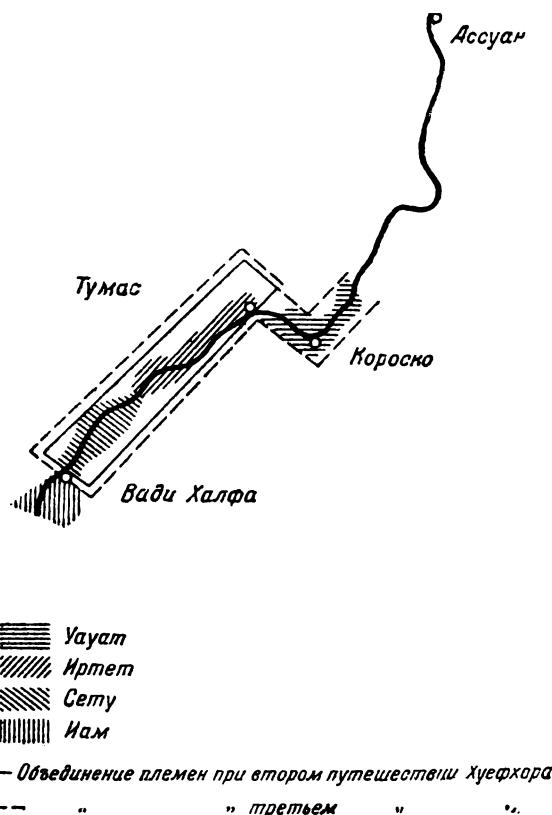


Рис. 1. Схема расселения туземных племен Северной Нубии в конце Древнего Царства (T. Säve-Söderbergh «Ägypten und Nubien»).

дой, изделиями из фаянса, алебастровыми сосудами для «умиротворения этих чужеземных стран» (Там же, стр. 135 след.). Хуефхор помогает вождю Иама в борьбе против ливийцев, а затем с помощью его войск угрожает вождю, возглавляющему племена. Пречтэ, Сечу и Иам, ибо, видимо, это объединение противоречило интересам Египта в Нубии. Цель была достигнута, и предводитель коалиции не только выразил покорность, но и принес дары. Еще прежде лично принимал изъявления покорности от князей Меджа, Ирчета и Уауата фараон Мернера, посетивший южную границу своих владений в 5 год правления (К. Зете, Указ. соч., стр. 110—111). В то же время строго карались всякие проявления самостоятельности и особенно ущерб интересам и престижу Египта. Очень характерны в этом отношении надписи Сабни и Пиопинахта. Первый строго наказал туземцев, возможно бывших виновниками смерти его отца Мехуя. Что подобные действия отнюдь не противоречили направлению египетской политики, доказывается милостями и наградами, которыми удостоили его при дворе по возвращении из путешествия (К. Зете, Указ. соч., стр. 135—140). Второй дважды воевал в Нубии, стремясь закрепить там влияние фараонов. Он не только жестоко расправлялся на месте с непокорными, но и привозил заложников, вероятно, наиболее

влиятельных лиц, а также их детей. Показательно, что при рассказе о втором походе, Пиопинахт также употребляет по отношению к области, где он действовал, выражение «умиротворять» (*shtp*). Карательная экспедиция была, видимо, вызвана каким-то ущемлением интересов Египта. Словом, египтяне при Мернере I и, особенно, при вековом правлении его сына Пиопи II, фактически перешли к подчинению Северной Нубии, которое было прервано временными распадом государства фараонов. Таким образом, они предварили окончательное завоевание этой страны царями XII династии.

Предположение Т. Севе-Седерберга, что коалиция, с которой столкнулся Хуефхор, была направлена против Египта, ничего невозможного в себе не содержит¹, ибо эксплуатация страны египтянами и постоянная угроза очередного вторжения с их стороны могла сплотить отдельные племена. В других условиях, при иных обстоятельствах, так же точно объединились хеттские племена против ассирийских колоний. Однако в данном случае нет никаких оснований полагать, что насильственный или добровольный союз Ирчета, Сечу и Уаута имел явно враждебные по отношению к Египту намерения. Во всяком случае, приведенный выше отрывок из надписи Хуефхора—единственный имеющийся в нашем распоряжении документ, относящийся к этим событиям, подобных выводов не допускает. В конце концов, три относительно незначительных племени,—вспомним, что между 1 и 2 порогами их обитало около десятка,—не могли серьезно помышлять о борьбе с могущественным государством, тем более, что их непосредственные соседи, например Иам, явно находились в оппозиции. Конечно, наши источники слишком скучны и скрупульты для определенных заключений, но все же общая ситуация заставляет предполагать, что Хуефхор повествует о начальной фазе становления еще полностью не сложившегося племенного объединения, когда идет борьба за включение в него отдельных самостоятельных племен. Разумеется, на этой стадии о четкой и последовательной политической направленности говорить трудно. Так, вождь коалиции сразу изъявляет все признаки покорности, даже не пытаясь организовать сопротивление. Сама коалиция очень не прочна. Из надписи Пиопинахта, датируемой позднейшими годами правления того же Пиопи II, видно, что Ирчет и Уаут возглавляются различными предводителями (К. Зете, Указ. соч., стр. 135). Что подобные союзы таили в себе потенциальную опасность интересам египтян в Нубии, доказывается решительными действиями Хуефхора и жестокими расправами, учиненными Сабни и Пиопинахтом. До падения Древнего Царства, последовавшего в ближайшее столетие, мы больше ничего не узнаем о дальнейших попытках подобного рода объединений.

Как упоминалось, раскопанные до сих пор погребения не дают никаких материалов, позволяющих установить начало резкого имущественного расслоения внутри родовых общин культуры В. Однако оно должно было иметь место. Прежде всего, это доказывается существованием обмена с Египтом, который направлял в Нубию различные товары взамен необходимых ему продуктов. К сожалению, наши сведения о них ограничиваются только одним местом из биографии Сабни, на которое уже приходилось ссылаться. Вожди различных племен, неоднократно фигурирующие в биографиях Хуефхора и Пиопинахта, в надписях Мернера и т. д., свидетельствуют о выделении прослойки родовой аристократии, которая, вероятно, и была основным потребителем ввозимых товаров.

Итак, природные условия—крайняя ограниченность плодородной земли и, как следствие, отсутствие потребности в создании ирrigации, замедлили рост производительных сил и общественных отношений Нубии в додинастический период и воспрепятствовали не только ее объединению, но и включению ее в состав египетского государства, от которого она к тому же отделялась труднопроходимыми порогами. В дальнейшем развитие страны задержали вторгнувшиеся с юга племена, стоявшие на более низком уровне культурного развития (Культура В), и грабительские по-

¹ T. Säve-Söderberg, Aegypten und Nubien, Lund., 1941, стр. 28.

ходы, организованные фараонами. Когда же к концу Древнего Царства в Нубии начинают возникать первые попытки племенных объединений, египтяне, заинтересованные в возможности систематической эксплуатации, в целях получения необходимых им товаров и рабов, военными и дипломатическими мерами препятствуют образованию подобных союзов. В то же время обмен с Египтом ускоряет расслоение родовых общин и способствует выделению родовой аристократии.

Созданная с таким трудом Менесом и его преемниками деспотия к 2400 г. до н. э. распалась на составные части. Ослабление страны, а затем длительные войны за новое ее объединение не только отвлекли внимание египтян от Нубии, но и лишили их возможности вести там прежнюю активную политику. Изменилось положение и за Ассианскими порогами. Новые волны вторгнувшихся с юга племен вахлестнули часть долины Нила до Элефантини на севере. Ни точная дата их появления, ни место, откуда они пришли, ни этническая принадлежность до сих пор определенно не установлены, хотя попытки к тому и предпринимались. Однако все они в том или ином отношении уязвимы и окончательного разрешения вопроса не дают. Так, например, Firth выдвинул три предположения¹.

Первое—родина этих племен находилась в верховьях Голубого Нила и Атбary, по течению которых они спустились в Нубию. Там же следует искать и источники культуры Кермы. Этую точку зрения поддерживает также Юнкер².

Второе,—они вторглись с юго-запада, примерно из Кордофана, и только в районе второго порога вышли к реке.

Третье—наиболее простое, по мнению Firth, «по аналогии с современными жителями напрашивается само собой, что раса негров из Судана вступила в долину Нила и смешалась с хамитическими племенами восточной пустыни». Однако тому противоречит сравнительно ограниченное количество негроидных признаков, свойственных останкам представителей вторгнувшихся племен, культура которых в результате слияния с существовавшей прежде создала новую своеобразную культуру С. В силу существующих противоречий и неясностей удовлетворительно ответить на этот вопрос не представляется возможным.

Также не поддается точному установлению и время появления пришельцев. Это событие должно быть отнесено к промежутку между концом VI династии и началом правления XI династии.

Древнейшие несомненные погребения этой культуры обнаружены в Анибе (Г. Штейнпорф, Указ. соч., т. I., стр. 46 слл.). Конец ее датируется началом Нового Царства. Подобно «Нубийской древности»—культура С по тем же признакам подразделяется на четыре периода. Не останавливаясь на каждом из них в отдельности, отметим общие основные присущие им черты. Над могилами, имеющими направление с запада на восток, возводились каменные круглые надстройки. Мертвцы хоронились в скрученном положении на правом боку, с лицом, обращенным на север. Позднее ориентировка ямы иногда меняется: ее роют в направлении с юга на север. Соответственно меняется и положение покойника. Керамика представлена черно-красными чашами с врезным орнаментом по краю, чашами с процарапанными рисунками, заполненными белой краской, напоминающими подобные образцы культуры А, однако иной техники и иного стиля орнамента, грубыми горшками, большими сосудами для хранения зерна и т. д. Шиферные палетки для притираний заменяются створками раковин. Часто встречаются шейные бусы, ручные и ножные браслеты.

¹ The Archaeological Survey of Nubia, Report for 1909—1910 by C. M. Firth, Cairo, 1915, стр. 19.

² H. Juncker, Bericht über Grabungen der Akademie der Wissenschaften in Wien, auf Friedhöfen von El-Kubanieh-Nord, Denkschriften der Akademie, т. 64, № 3, 1920, стр. 19 слл.

Каменные сосуды крайне редки. Вообще привозные изделия—явление далеко не частое. Медных предметов попадается немного, например, зеркала или кинжалы, или дешевые украшения—бусы, сработанные в Египте. Причина тому не только в том,

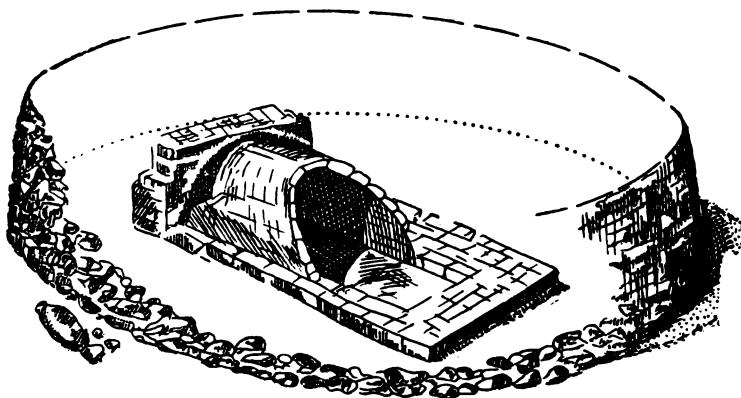


Рис. 2. Погребение эпохи «Нубийского средневековья», период 2—3. Склеп с кирпичным сводом. Кладбище в Анибе (G. Steindorff, Aniba, I)

что население было слишком бедно, чтобы позволить себе подобную роскошь. Изменение системы организации обмена, которая будто бы перешла в руки «бродячих купцов, переезжавших с места на место на своих судах»,—представляется сомнитель-

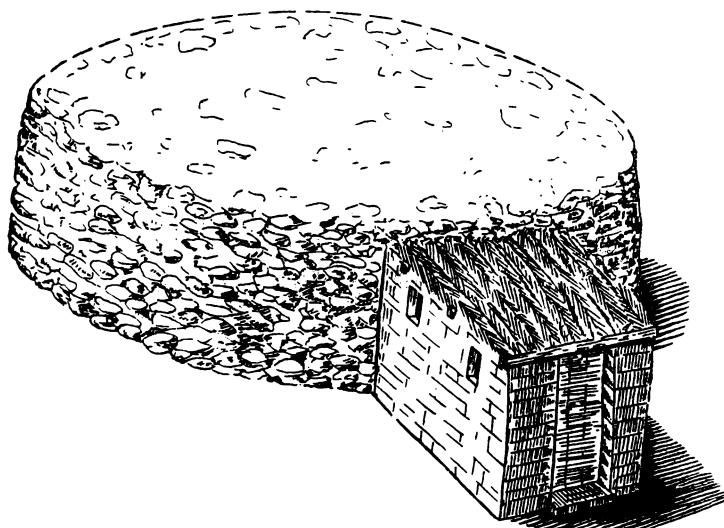


Рис. 3. Погребение эпохи «Нубийского средневековья», период 2—3. Ограда из крупных камней с пристроенной спереди капеллой. Кладбище в Анибе (G. Steindorff, Aniba I)

ной. До времени Нового Царства нет никаких свидетельств о существовании в Египте подобных странствующих торговцев. Наоборот, до самого позднего времени внешняя торговля составляла монополию государства. Трудно также предполагать, чтобы в период распада, а следовательно, ослабления страны одиночные купцы решались не только преодолевать естественные трудности, связанные с плаванием в районы порогов, но и пускаться в опасные путешествия по стране, где все угрожало их жизни и имуществу. Уже из надписей Пиопинахта и Сабни видно, что фараонам приходилось

прибегать к весьма крутым мерам для поддержания своего влияния в Нубии. Об организации караванов отдельных торговцев, снабженных надежной охраной, как это делали на востоке позже, не может быть и речи. Слабое развитие частной инициативы было вообще отличительным свойством Египта. Да и нет ни одного документа даже от эпохи Нового Царства и ливийских династий для подтверждения подобных предположений.

Естественнее и проще представляется иное объяснение. Во время распада Египта обмен с Нубией сократился, ибо организация крупных военно-торговых экспедиций была не под силу отдельным номам или объединениям таковых. Трудность сношений усугублялась появлением новых племен группы С, которые были достаточно сильны. Во всяком случае, только в результате целой серии походов в Нубию, крутых расправ, организации там сложной администрации и установления постоянного военного контроля египетским фараонам конца XI династии и XII династии удалось закрепить свою власть до второго порога. Достаточно указать на победные надписи Ментухотепов, Сенусертов I и III, стелы из Семне, список крепостей и другие документы Среднего Царства или непосредственно примыкающей к нему эпохи, чтобы убедиться в этом.

С новым объединением Египта под гегемонией Фив и последовавшим затем покорением Северной Нубии правительству—основному организатору обмена—не было никакой нужды прибегать к торговле, когда все нужные ему продукты оно получало путем внешнеэкономического принуждения: податей, дани, прямого грабежа. Все же, конечно, наряду с этим существовал и обмен. В погребениях NM—1 и NM—2 мы находим зеркала, бусы и амулеты, бесспорно ввезенные с севера. Различие в ценности украшений и в количестве и стоимости предметов, положенных в могилы, позволяют говорить о некотором расслоении внутри общин в указанную эпоху (Г. Штейндорф, Указ. соч., т. I, стр. 46 сл.). Объединение и застой в развитии Нубии в эпоху Среднего Царства мы вправе связывать с ограблением страны. Аналогичные явления в Южной Аравии, правда, в более позднее время, отмечаются Энгельсом в письме к Марксу от 6 июня 1853 года.

В текстах XI и XII династий, да и более поздних, почти ничего не говорится о туземных вождях, хотя таковые, разумеется, существовали. Видимо, значение их теперь было не столь велико, как во время Древнего Царства, когда упоминания о них встречаются в документах, хотя число последних, относящихся к указанной эпохе, гораздо меньше, чем текстов Среднего Царства.

Иначе сложились отношения по ту сторону государственных границ—за вторым порогом, где влияние Фив было значительно слабее. Здесь население было предоставлено самому себе и общины развивались без повседневного вмешательства в свою жизнь. Поэтому расслоение общества шло естественным путем. Вооруженные набеги египтян в эти области засвидетельствованы только для времени Сенусерта III, да и то они носили случайный характер. Более того, промежуточное положение, которое занимала современная Донгола между Египтом и Суданом, вовлекало туземцев в торговый оборот между обеими странами и, следовательно, способствовало разложению первобытно-общинных отношений. Когда же, с возникновением Нового Царства, и указанная область подпала под власть фиванских despотов, то и ее положение становится таким же, как и Северной Нубии. Лучше всего это прослеживается на судьбе поселения в Керме, расположенного в районе третьего порога и раскопанного в 1913—1916 гг. Г. Рейнером¹. Здесь в эпоху Среднего Царства находилась

¹ Основное издание—G. Reisner, Excavations at Kerma, Harvard African Studies, vol. V—VI, Oxford, 1923, осталось мне недоступным. Последующее изложение основывается на следующих публикациях: G. A. Reisner, Excavations at Kerma. ÄZ, LII (1916), стр. 34—49; A. Schäff, Ausgrabungen von Kerma. OLZ, XXIX (1926), стр. 89—96; G. Steinendorff, Aniba, I, 13—17; T. Säve-Söderberg, Aegypten und Nubien, стр. 103—116.

египетская торговая база—фактория на водном и караванном путях в южные провинции нынешнего Англо-Египетского Судана, основанная, как полагает он, еще во времена V династии. Однако его мнение убедительно оспаривается Севе-Седербергом, указывающим, что находки отдельных черепков алебастровых сосудов ничего не доказывают, ибо происхождение их могло быть случайным, и что основание фактории должно датироваться годами правления Аменемхета I и Сенусерта I¹.

К какому времени относится возникновение туземного поселения—определить пока невозможно. Оно могло возникнуть гораздо раньше, «там, где место особенно благоприятно для внешней торговли»², или «как княжеский стан, как нарост на экономическом строе в собственном смысле»³. Древнейшие погребения датируются нача-

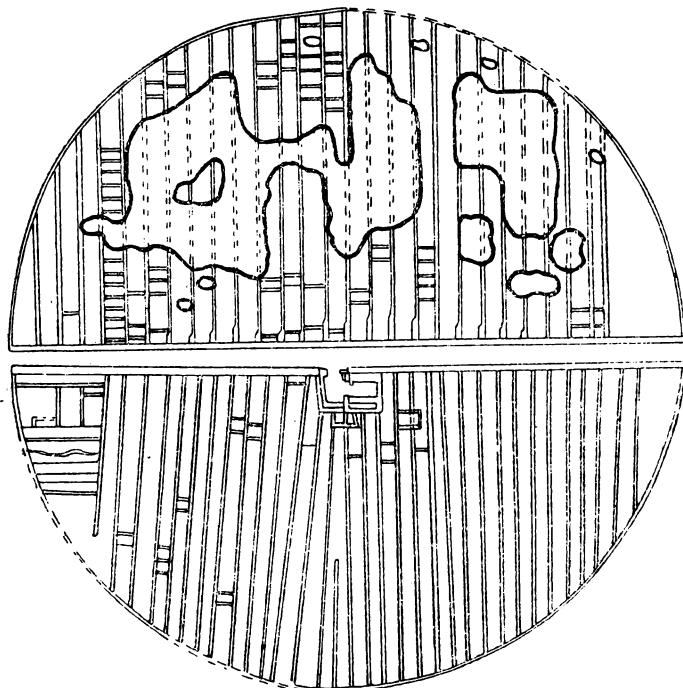


Рис. 4. План погребения К-III из Кермы (Семейная или родовая гробница вождя). Диаметр 90 м, площадь 635 кв. м (G. Reisner, Excavations of Kerma).

лом XII династии и, что весьма существенно, принадлежат представителям североафриканских племен, близких ливийцам. Однако встречаются и негроидные элементы. И тут население, как и вообще в остальных районах нижнего течения Нила, было смешанным.

Наши сведения о культуре Кермы базируются в значительной степени на обширном кладбище, находящемся в $4\frac{1}{2}$ км от берега Нила, которое Рейснер ошибочно считал египетским. А. Шарф доказал несостоятельность его взглядов и определил некрополь как туземный. Эта точка зрения ныне общепризнана. Обнаруженные здесь памятники позволяют с большей ясностью, чем какие-либо иные, установить

¹ Т. Севе-Седерберг, Указ. соч., стр. 108. Египетская керамика могла проникать далеко на юг не только со временем VI династии, но и гораздо раньше.

² К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, «Пролетарская революция», № 3 (1939), стр. 152.

³ Там же, стр. 157.

основные черты общественного строя, существовавшего тогда в этой области Нубии. Вместе с многочисленными меньшими, обычными по размерам, гробницами и могилами, принадлежавшими людям, не выделявшимся своим имущественным или социальным положением, располагались большие погребальные сооружения, по всем данным— семейные или родовые усыпальницы вождей. Каждая из них образует как бы самостоятельное кладбище. Они имеют круглую форму и обнесены известняковыми плитами. Например, погребение К-III занимает площадь в 635 кв. метров. Середина его прорезана коридором длиной в 90 метров и шириной в 2 метра. От него под прямым углом отходят перегородки, образующие, таким образом, небольшие камеры. Вождь и его жены похоронены в одной из камер у центрального прохода. В различных местах погребено еще около 100 трупов, скорее всего рабов или домочадцев, добровольно, а вероятнее, конечно, принудительно последовавших за своим господином. Кости быков указывают на обильные жертвоприношения, сопровождавшие похоронный обряд. Материальная культура Керме близка культуре С. Подобно последней она может быть определена как поздненеолитическая: значительная часть предметов из погребального инвентаря носит следы местного производства, другие сделаны под сильным влиянием Египта или являются привозными. Керамика чрезвычайно разнообразна. Рейстнер насчитывает до 18 различных типов, которые он подразделяет на три группы. Некоторые туземные сосуды очень тонкой работы и доказывают наличие высокоразвитой техники. Изделия из дерева (преимущественно, мебель), кожи, металла (золото и медь), слоновой кости, также весьма разнообразные, свидетельствуют о существовании профессиональных ремесленников, имевших за плечами долгий опыт, и об отделении ремесла от земледелия и скотоводства. Естественно велико число привозных изделий. Иного положения, конечно, не могло быть в одном из основных торговых центров Нубии, где существовала обширная египетская фактория.

Не останавливаясь на проблеме происхождения этой своеобразной и самобытной культуры, имеющей, по мнению Штейндорфа, гораздо более ярко выраженные африканские черты, чем близкая ей культура С (Г. Штейндорф, Указ. соч., том I, стр. 17), отметим только различие в их судьбе в период от конца Древнего Царства до XII династии, обусловленное воздействием Египта. Общественное развитие племен Северной Нубии, как только они столкнулись с усиливающимся Египтом, было приостановлено его эксплуататорской политикой. В Керме, которая не являлась в то время объектом эксплуатации фиванского правительства, сложились иные отношения. Местные общины развивались естественным путем. Более того, участие в торговле с Суданом, вызванное потребностями Египта, даже способствовало ускорению процесса разложения первобытно-общинных отношений. Правда, до сих пор в Керме не обнаружены погребения, предшествующие времени XII династии, и поэтому мы лишены возможности судить, сколь близок был в отношении имущественного положения отдельных общинников строй Верхней Нубии строю периода NM—1 Нижней Нубии. Несомненно, однако, одно—в Керме в начале Среднего Царства родовой строй явно разлагался, в противоположность северным районам, где он был гораздо прочнее. Как мы постараемся обосновать в другой работе, образование спустя много веков Напатского государства именно здесь на юге было далеко не случайным. Оно было подготовлено общим ходом исторического развития Нубии еще в эпоху Древнего и Среднего Царств.

И. С. Каценельсон

О КУЛЬТЕ ГЕРАКЛА В ХЕРСОНЕСЕ

Вопрос о существовании культа Геракла в Херсонесе решался всегда предположительно. Таких прямых данных, как посвятительные надписи или упоминания храма Геракла,—мы не имеем. В Ольвии, Пантике и Фанагории культ Геракла можно считать фактом установленным. Совершенно естественно предполагать нали-